

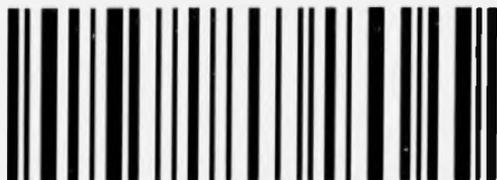
ГЕОРГИЙ ВЕНУС

ПОЛУСТАНОК

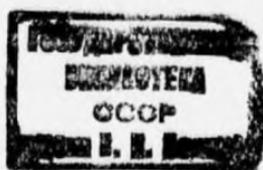
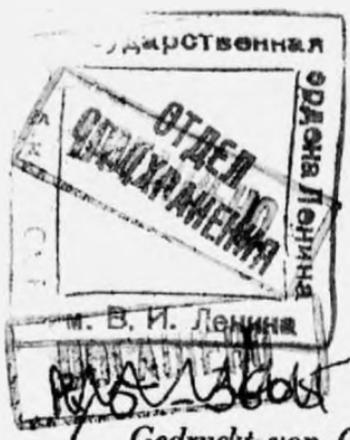
СТИХИ

БЕРЛИН

1 9 2 5

2011094106

и 15188-92

Gedruckt von Gebr. Hirschbaum in Berlin

О 27, Blumenstr. 22

0136

На морозе дробил сапогами
Забежавшую в ноги дрожь,
У костров отдыхал с врагами,
О хлеба притупляя нож.

И склонились дни над годом,
Как кусты — над кустом в снегу.
И ночные часы отхода
Тротоптали пути к врагу.

И опять мы в ночи ломали
Тот же хлеб, что вскормил меня.
И сбегались ночные дали
Чтоб согреться со мной у огня.

Он придет, чтоб долгое страданье
Озаглавить словом — перелом, —
Чтоб, расставив знаки препинанья,
Нас судить за письменным столом.

Он придет, не знавший бездорожий
И огнем замызганных путей, †
Чтоб сложить к великому подножью
Только ряд написанных статей.

Пулеметом сломанные кости,
Череп, пробитые свинцом,
Он привычным росчерком отбросит,
Закруглив итоги пред концом.

Я не знаю, будут иль не будут
Бить в окно упрямые дожди
В эти дни последних пересудов
И раздумий хмурого судьи.

Я не знаю, будут ли валиться
Хлопья снега с рванных облаков
В дни, когда чернилом заструится
Наша кровь с зазубренных штыков. — —

Он придет, чтоб мудрым счетоводом
День за днем отщелкивать главой, —
Эти дни кровавых переходов
И свинцовых зорь над головой.

Течет заря в далекий ров.
Во рву звенит трава.
Внезапный взлет степных ветров, —
Лови в ветрах слова!
Лови под ветром брызги дней,
Пускай глаза несет
Не дрожь встревоженных лучей, —
Звенящий луч-копье!
 Звени, звени, воздушный путь, †
 Звени — — о провода!
 Не может ветер перегнуть,
 Порвать и смять года — —
От крыш забытых деревень
В провалы городов
Сквозь синь ложбин бросает день
Не пыль — а горсть ветров.
Пригнись к земле. Лицо прикрой.
Иль встань. Иди — вперед —
Гляди, как ветер пред тобой
Живую тень несет.

От тяжелой сохи до мельницы,
Где поет над трудом вода,
Бесконечной дорогой стелятся,
Убегая в поля, года.

Ведь ничто не гниет и не рушится.
Пьют лучи на траве росу;
А в тени, от росы набухшая,
Тимофеевка ждет косу.

За возами возы скрипучие
Отступают к тяжелым стогам.
И косматыми, низкими тучами
Наклоняется небо к годам.

Если в пальцах такая сила,
Что разжать кулака нельзя, —
Для чего же меня сторожила,
Приручая к себе, земля?

Каждый в землю ушедший корень,
Даже ветер, звенящий в листве,
Золотому лучу покорен,
Что закон свой чертит в траве.

Только я, — когда ветер гонит
В небе солнце тугим колесом, —
Не могу протянуть ладони ^А
К небосклону в луче косом.

Всем дорогам, бегущим в дали,
Отдавал я следы свои,
Но лучи в следы не упали,
Пробегая под склон земли.

И прожженный лучем звонким,
Под горячим его узлом,
Только с кровью своей в перегонку
Я играю в себе самом.

Камни. И снова камни.
Брызжет в лицо песок.
Желтую пыль прыжками
Ловит, кружась, колесо.

Прыгает край телеги.
В пыль ныряют кусты. —
В каждом дневном пробеге
Двадцать четыре версты!

Зубною болью время растянулось — —
Я сам принял упрямые слова,
Когда года нахлынули на скулы,
Как лед Невы — весной на острова.

Остались дни недавнего равнения
Стоять рядами сломанных осин...
Там, за окном, где зреет день осенний,
Играет солнце гроздями рябин.

Я — у окна... Обветренные щеки
И боль свою, как память о весне,
Прижал к стеклу... О, перепев далекий,
О перегнись к ползущей тишине!

Годам — итти. Случайными словами
Искать следы блуждающих годов
Дано другим... Нева за островами
Катилась в море, падая со льдов. —

Куда, куда же бросились с разбега
Мои пути?.. Гудел в ночи сквозняк.
Под мертвый груз сползающего снега
Легли лучи, искавшие меня.

И долго гул расплавленных столетий
Лежал на мне, как берег на воде...
И вот за прошлым странствующий ветер
Ведет года, как клячу на узде...

Гудит во мне наследие хмельное —
И не поймет веселая трава,
Зачем ползут для спора с тишиною
Как боль зубная нудные слова.

Над той же землей, но под ветром другим
Поет о весне телеграфный провод.
В песок ложатся мои шаги,
Под ветер ляжет — твое — слово!..
Такой ли походкой, как я ходил,
Ты выйдешь бороться с моей тоскою? —
...Сегодня бегут надо мной дожди,
Бегут, спасая весну от покоя!
Подымет весна и твое плечо, —
Копи же силу в дыханьи тихом!
Да будет тебя целовать горячо
Грядущее лето, как луч — гречиху!
Скользят мои годы... Вечерний луч
Ползет одинокой змеей в травы.
Не я — твой вожатый! — Заря на ваду! —
Не я пред тобою сниму заставы!
Да будет бежать пред тобой тропа,
Да будет петь — телеграфный провод!
...Весенний ветер в траву упал, —
Да будет в траве он звенеть снова!

Пусть посох верный не я возьму,
Что б вновь тягаться с весенним бегом!..
Смотрю, ломая глазами тьму,
Как вздулась сила под талым снегом.
И бросив годы в поток воды,
Волной равняю твои победы — —
И моет ливень мои следы,
Чтоб ты за мною не шел следом.

Память Волгу как баржу тянет,
Тянет черную ночь за кормой. f
О, как много случайных стоянок
С берегов опрокинуто тьмой! —

О, как много кустов далеких
Увела в темноту волна! — —
Знать равняются все притоки
По единым отлогам дна, —

Знать под веслами — долго, долго —
Будут волны мне петь о том,
Как ворочает камни Волга
Точно рыба — крутым хвостом.

Гнул туман... Далекый полустанок
Придавила снежная гора.
Быстрый поезд бегал, как рубанок
Под тугой рукою столяра.

Падал дым, и стружками седыми
От куста карабкался к кусту, —
Этот след встревоженного дыма
Заливал степную слепоту — —

— И над снежной крышей полустанка,
Где гора снимала с туч пургу, —
Вспоминая лязганье рубанка,
Приподнялись избы на снегу...

По этим дням, — рассказанным судьбою
Моей душе, прошедшей сквозь костры, —
Плывут года, качая над собою
Ночные сны перейденной поры.

Дождлся мир столикой перемены,
Как зверь в силках испуганно дыша...
По головням, чье пламя взрыло стены,
Тяжелым дымом ползает душа.

Когда метнулись в сторону пожары
И ветер дни рассыпал как гармонь,
Я услышал, как сердце под удары
Швырнуло жизнь, приветствуя огонь — —

И долго в даль горбатою волною
Бежал пожар, как ветер от ловца,
Но у того, кто следовал за мною,
Молчали скулы красного лица — —

И был мой путь, золою занесенный
Не легче тех обветренных дорог,
С которых падал щебень раскаленный,
Когда ложились искры на порог — —

Но тот, чьи скулы каменным молчаньем
Встречали вихри рванного огня,
Меня пригнул к немому заклинанью
На все пути нахлынувшего дня.

Вошел в подвал, постукивая палкой.
Линялой тряпкой окна перетер. A
Взглянул во двор, где старую гадалку
О чьем то сердце спрашивал монтер.

Часы вели по циферблату время...
Монтер свернул тугие провода,
И, сбив картуз свой ухарский на темя,
Пошел искать указанный чердак.

Но был чердак, где сила молодая
Ломала болью хлесткую гармонь,
Как тот подвал, где окна вытирая
В тоске по солнцу шарила ладонь.

От дождя ушла под ворота
(Не любила весенней возни!)...
Пудра. Скука. Зевок. Забота
Не промокнуть в весенние дни.

За воротами — грохот улиц...
Отступила к крутой стене
И взглянула, как ветры гнули
Ее спутницу-тень в окне.

Набегала вода, бросая
Эту тень от окна к окну...
На панели — девченка босая
Догоняла, смеясь, волну.

И с окна — под босые пятки —
Вдруг, сорвавшись, метнулась тень...
— Та, что с ветром играла в прятки
Побежала в весенний день!

Этот мрак, лохматый ветрами,
Протолкнет — туда — ледоход,
Где в небесную, тихую гавань
Принимает заря пароход.

И пойдут — одними путями, —
Растилая в простор тишину,
Ледоход и зари пламя
В океане ловить волну.

Но волну, с кормы парохода,
За собой позовет капитан;
И разбитую грудь ледохода
Засосет золотой океан.

Мои песни подымут снова
Эту удаль покатых плеч. — —
Отыщите такое слово,
Где бы мог я, как в гроб, залечь.

Упокойную петь над собою?
Над могилой трести бородой? —
Четверть века в глухом перебое
Еще бьется весенней водой!

Вот несу переносным грузом
Эту силу, что в кровь залегла.
Ты, считавшая вздохи Муза,
Видишь, — к небу летит зола!

Слышишь грохот воды весенней?
Четверть века гудит в набат. —
Я не первый и не последний
В ком ломает себя судьба.

Я не слышу иного зова, —
Только тот, что бросаю — я.
Гнись, как радуга, сила слова
Над просторами — бытия!

1.

Но пенье птиц? Но солнце на тропинке?
Но переключка радостных колес? — —
Тяжелый день, под небо выгнув спину,
Упав, примял встревоженный овес.

Но пенье птиц? Но сердце под рубашкой?
Молчи, молчи, осенняя трава! —
Вросла в любовь кудрявая ромашка,
В тоску вросли примятые слова.

И все вокруг — — и солнце над тропею,
И эхо слов, и слово — — все вокруг
Плывет в туман, чтоб там, за тишиною,
Начать со мной повторную игру.

От крыльца с резными петушками
До далеких степей за селами,
Я дорогу мостил шагами,
Бездорожье — песней веселою.

Уходя от тебя по́вечер,
Когда небо роняло облако,
Я с улыбкой Алеши Поповича
Под чужими стоял окнами.

Но когда деревянным голосом
Взрыл петух тишину ломкую, —
На меня золотым колосом
Указали лучи звонкие.

И петух на крыльце крашенном,
За упавшими в пыль тыквами, —
Бросив крылья ко мне пашнями,
Мою ревность в груди выклевал.

Старый клен твои инициалы
Засосет разбухшею корой.
Кто поймет тревожные сигналы
Этих веток, певших над тобой?

Кто поймет, что корень перекручен,
Оттого, что я постичь не мог, —
Что дожди весенние — от тучи,
Что любовь — от боли и тревог?

Будет луч, распластанный о камень,
Ждать под небом дремлющей грозы, —
Чтобы клен, стареющий веками,
Мог познать любовные азы...

Подкралось к весенней заре окно.
 Спросонок, — еще осторожно, —
 искали лучи утонувшее дно
 улыбки твоей тревожной.
 Тревога не ждет. Но тревожная зыбь
 не может на пруд опереться,
 и крылья звенящей над ним стрекозы
 не могут лучем согреться...
 К чему же, за красным, оконным стеклом,
 где борется вишня с сиренью,
 стремится под небо — тугим ростком
 над тишью — стрекоз гуденье?
 Какими словами убьешь тишину?
 И нужно ли тишь эту мучить,
 чтоб, выбежав в сад, вот такую весну,
 как эту, — — гонять по сучьям?
 ...Метнулись в зарю золотые межи.
 С забора — лучи упали.
 Не все ли равно, куда добежит
 весна?.. — До души, до окна ли!..

Над дверьми — разбитый колокольчик.
 Под окном — линялый желобок.
 Прислонясь к воротам, ветер-гончий
 О бревно почесывает бок.

Греет солнце. Греет понемножку, —
 Я не знаю, долго ль до меня
 Эту в сад бегущую дорожку
 Притоптала девичья ступня.

Есть слова, которыми томиться
 Каждый летний вечер суждено.
 Поползут, считая черепицы,
 Голубые тени на окно.

Там, в кустах смородины примятой,
 Лишь сбегут туманы под откос,
 Летний вечер ласковою мятой
 Тронет пряди девичьих волос.

Над дверьми причудливой резьбою
 О звонок коснется тишина. — —
 Есть слова... За девичьей судьбою
 Их ведет кудрявая весна.

6.

Коли жить, — так предками не мучиться!
Я видал, как снег примял траву.
Но с горы сбежавшая распутица
Желтый дерн взлохматила во рву.

Коли ждать, так быть в лучах затерянным!
Я видал, как клен, склонясь к сосне,
Выгнув корни в шопот трав растерянных,
Подымался листьями к весне.

Коль любить, — так жить не так, как можетя!
Не пускать отчаянья к вискам! — —
Я слышал, как кровь, играя, божится
Плыть от сердца к сердцу по векам.

От стены к стене,
 От трубы к ногам,
 Городской весне
 По глухим складам
 Он расскажет так,
 Как никто не мог,
 Что бежит верста
 По краям дорог, —
 Что ракета пьет
 Тишину корней,
 И растит ее,
 И шумит над ней.

От дверей к дверям,¹
 От окна к окну
 Проползет заря,
 Пронесет весну —
 В глубину полей,
 Где лежит в земле,
 Под резьбой ветвей,
 Как огонь в золе,
 Как в тумане звон,
 Когда брызжет дождь, —
 Плодородный сон, —
 Корневая мощь.

От тебя к тебе,
Перемяв цветы,
Не отдав судьбе
Ни одной версты,
Опуская взгляд
В крутизну небес,
За дождем — в поля,
И опять — к тебе
Я иду. — И дождь
Надо мной звенит,
И заря — мой вождь —
Подбирает дни.

За лугами — сады. На далеком заборе
Подымает и чистит сорока крыло.
Не пытайся в пути тишину переспорить, —
В тишину пропыленное лето вросло...

Уношу за холмы свою память о прошлом, —
Но за мною упрямо кочуют следы,
Точно там, за канавой, крапивой поросшей,
Не замаяли весну, тяжелея, сады.

На губах, что бледнели, когда надо мною
Наливалась рябина стыдом за тебя,
Опрокинется ветер и снова запоем
Будет петь, свои песни о камень дробя.

И опять, как всегда, упираясь в заборы,
Будут дни, тяжелея тревогой слепой,
Опускать за любовью — в степные просторы —
Мою тягу к тебе — одинокой тропой.

Одеть любовь в нарядно сшитый фартук,
 И приказать служить ей день за днем
 Капризам тех, кто скукой водит карты,
 Ломая смерть не жизнью, а житьем? —
 Напудрить гнев, как пудрит парикмахер
 Лицо веселых странников любви,
 Чтоб затянуть в крахмальную рубаху
 Удары волн бунтующей крови? —
 Пригнуть года под маятник ленивый,
 Чтоб щелкал такт размеренных часов,
 Чтоб заводил их мастер кропотливый,
 Ведущий жизнь, как руки — колесо? —
 Не ждать? — Не рвать отчаянья? — И в злобе
 Не подымать над скукой кулака? —
 Не пережить в нахлынувшем ознобе
 Таких минут, что стоили века? —
 Иль только раз сказать: Люблю! Не знаю,
 На сколько лет!.. Запнуться и следить, —
 Как мчится ветер, пылью заметая
 Простор полей, бегущих впереди.

Заезжий двор. Казармы проходные.
Случайный мир, где даже сон в гостях...
Ты помнишь мрак, в котором звезды ныли,
Как у больного ноет жизнь в костях?...

Сегодня утро встало над лесами.
Сегодня луч добрался до окна.
Тифозный бред, игравший волосами,
Дышал в глаза, как дышит в жизнь война,—

Тифозный бред колесами обоза
Стучал в крови. Но в гривах лошадей
Холодный луч случайной дрожью ожил,
И ожил день под щелями дверей.

Заезжий двор... Привычные удары
Всегда готовых странствовать колес...
Цветут в бреду забытые пожары,
Плывет в огонь за окнами овес.

На примерзшем ко льду патроне
Лягут ржавой корой года;
Отступая, туман утонет
В глубине моего следа.

Но когда сапоги мороза
Свяжут скрипом молчанье в снегу,
Покачнется, как тень паровоза,
Просмоленный туман на лугу.

Новый день проползет по лугу.
И опять — на снегу — борозда
Тишину перекрутит туго,
Моего не зарыв следа.

Встал упрямо, — солдатский навык!
Отворил пред собой дверь...
Только пыль ползла над канавой, —
Длиношерстый, голодный зверь.

Улыбнулся... — Любил привычку
Под улыбкою прятать шрам. —
И пошел вести перекличку
Исхлеставшим поля ветрам.

Узел ночных дорог
Вяжет мою судьбу.
Пусть
Горбатый порог
Стережет пустую избу!

Я —
В перебежках дней.
Лягу
И вновь — бегу!
Я —
В быстроте своей,
В каждом
Своем
Шагу!

Туже стяну ремень.
Жизни закон — прост!
Вот
Перешел день —
Брошенный в ночь
Мост.

Ты ль не знал, что ветер может падать,
А река — брать приступом холмы?
Ты ль не знал, что сила водопада
Не боится вздыбленной кормы, —
Что рука, умеющая в воду
Опускать дрожащее весло,
Может гнать навстречу ледоходу
Все ладьи, что бурей унесло?

Но не могут ставни под руками
Придавить мятелицу к окну,
Если ветер рванными прыжками
Пред тобой ломает тишину — —

Отчего ж, пути годам доверив,
Тем годам, что валятся на слом,
Ты к ладье притягиваешь берег
Перебитым надвое веслом? —
Ведь волна, разбитая о камень,
Никогда не ляжет под борта,
Чтоб ее — над мертвыми песками —
Приручили к шопоту куста.

Первый взрыв! — Тяжелое столетье
По тебе скользнуло. И во мгле
Мне пришлось молчанием ответить
На меня нахлынувшей земле.

Плыл простор, оторванный от поля...
И легла на мертвую ладонь
Горсть земли. И только поступь боли
Жгла следы, ласкаясь как огонь.

Все пути, бегущие за днями,
Пав сквозь пыль, что билась на валу,
Надо мной, как смерть над волчьей ямой,
Кувырнули прошлое во мглу — —

Но качнув дыханье пред собою
В пустоту, бегущую от глаз, —
Сам, развеяв годы за судьбою,
Положу я память на фугас.

Не затрешь словами захоlustья,
Где живет молчальница-душа — —
Жди, покуда солнце не опустит
Луч косою под кровлю шалаша.

По траве, года перегибая,
Подбегают к озеру холмы,
Чтоб взглянуть, как тучей обростая,
Ляжет свет на логовище тьмы.

Зашумел встревоженный орешник,
Не желая ветви перегнуть,
Не желая странствующей песне
Указать на странствующий путь.

Захолустье. Ветхая дорога.
Горб волны под грузом камыша... —
Ты ли встанешь тенью у порога,
Как над жизнью хмурая душа?

Сквозь камышь, ломая чернолесье,
Набегает утро на пески, —
Так бежит веселое предместье
По холмам на омуты реки...

По стволу орешника крутого
Бьется луч. И глухо по душе
Проползло тоскующее слово,
Не найдя покоя в шалаше.

Не солдат играет штыком, —
Штык ведет за собой солдата.
Красным золотом — за полком —
Раздает нам пожар плату.

Ловит штык острие луча.
Для солдата — посев — крапива!
Эх, лети же, свинец-саранча,
В золотую зарю-ниву!..

Если прежде — могла пыль
Затушить на штыках пламя,
То теперь — солнце в кусты
Опускает, как враг, — знамя!

Там, где хата разбитые двери
в нищету уронила как мост, —
где горелое дерево мерит
о зарю свой ненужный рост, —
где стрелковая цепь проходила,
своим флангом скосила ячмень, —
полковая двуколка тушила
красной пылью пожар деревень.
Ночь качалась... За лесом ветер
рвал о сучья лоскут огня.
Сердце ждало команду — встретить
залпом дрожи атаку дня.
Но всю ночь в березовых чащах
рассыпалась дрожь стрельбы,
точно враг, пулеметом стучащим
нам подсчитывал шаг судьбы.
Он валил тишину, как стены,
под которыми грунта нет;
и туман над кровавой пеной
в перекрестном дрожал огне.
...Но когда в листве дозвенела,
убегая, стрельбы волна, —
повалившись тяжелым телом
придавила меня тишина.

Сдав посты, я забыл пароль.
Тетивою на мне — шрам.
О, не трогай, — позволь, —
Боль,
Эти руки
Бросить по швам!

...От крыльца — до ворот,
И опять —
Поворот.
Каждый день
Надо мной
Страшен!
Не забыло крыльцо,
Как звенела свинцом
Эта даль
Обветренных
Пашен.

Верстовые столбы
Я считал пред собой,
Я хотел, —
Задыхаясь в беге, —
В перебеге судьбы
Пролететь сквозь бой,
Как сквозь пыль за избой
На телеге!

Что-ж? — Доверюсь тому,
Кто ведет сквозь тьму
Недописанных лет
Главы!

...От крыльца — через двор.
Ночь. Безлюдье. Забор.
Под забором —
Замок
Ржавый!

Струилась в жилах густая сила,
Ее гоняли удары лет — —
Роса, ласкаясь, следы студила,
Но был горячим бегущий след.

Густая сила, — ложась на травы, —
Землей, что жадно ползла к ногам,
Расскажет миру, как след кровавый,
Дымясь, тянулся к ночным шагам.

Судьба — не окрик! Никто не знает,
Куда сорвется последний взлет
Случайной жизни... Заря слепая
Снимает с неба ночной налет.

Встречаю утро. В ночном ознобе
Сметала круто хмельная дрожь
В огонь и в пепел столетья злобы,
В которых молча метался нож.

И вот уходит из жил открытых
Густая сила, как кровь из ран — —
Встречаю утро. С полей изрытых
Ползет тяжелой волной туман.

Ночь спешит... Опять тяжелый промах! —
Я привел бессоницу во тьму.
И шуршит промерзлая солома,
Приласкавшись к телу моему.

Каждый вздох, запряженный в подполье,
Рвет слова, качаясь в глухоте,
Пробегая скомканною болью
На истертом рифмами листе.

Но слова упрямой бороною
Вырвут боль и взроют тишину.
Будет снег, придавленный стеною,
Опускаться грузно по окну.

И душа, ушедшая за болью,
Как овца идет за пастухом,
Передаст весеннему раздолью
Этот снег, оттаянный стихом.

Над степью — пыль. Я помню путь вчерашний...
Ласкала мох бегущая тропа.
Меня в лесных проталинках купал
Вечерний свет. А ветер с теплой пашни
Носил в траву дыхание земли,
Как море в гавань носит корабли.

Степная жизнь — от края и до края —
Тебя качают синие леса,
Игрой лучей вечерняя роса
Тебя к следам, как мох к дуплу, склоняет.
Но все пути, что падают к ногам,
Бегут вперед, как парус к берегам.

Под эту пыль, в которой солнце тонет,
Не лечь, зарывшись в выцветший песок;
Под дрожь ветвей задумчивых осок
Не спрятать сердца!.. В желтом небосклоне,
Там, далеко, за скатами полей,
Плывут, качаясь, мачты кораблей.

Здесь все молчит. И лес молчит. И поле.
Молчит, снимая с неба тишину.
Но я слышал бегущую волну,
И мне ли жизнь молчанием неволить?
Как море моет небо о песок,
Я пеньем ветра вымою висок.

Неси, носи в степное бездорожье,
Далекий лес, упрямые пути!
Мне ль в этом ветре песен не найти, —
Чтоб с ними гнать поющей желтой рожью
Степную пыль, как желтая волна
Гоняет тину тлеющего дна!

Перерытые черной оспою,
под ветрами метались пашни.
Над деревнями — день постный
вспоминал о хлебе вчерашнем.

Ты пошла вдоль разбитого поезда
из деревни — в село соседнее,
чтоб березкам под праздник Троицы
поклониться песней весенней, —

Чтоб поверить в ростки зеленые,
в колосистое лето разума,
когда ветер над степью сожженной
будет путь поездам указывать, —

Когда ель и сосна, однолетками
подымаясь над степью брошенной,
укачают ветвями цепкими
тяжесть песен, тобой скошенных.

Ждать, покуда осядет тьма,
Иль на тьму приналечь плечом?
Есть глаза, для которых тюрьма
И стена за тюрьмой нипочем.

Ждать, покуда весна собьет
Этот лед с молчаливых стен,
Иль за взором итти вперед,
Оставляя за тенью плен?

Окна окнам глядят в упор.
Там — за окнами — бродят дни.
Прислонился к воротам двор,
Над воротами — лед звенит.

Есть глаза, на которых плен
Не лежит потухшим огнем — —
Уходи из под грузных стен,
Разве взор твой — крутой под'ем?

Я не знаю — в который раз
О плечо мое бьет стена,
И ломает о силу глаз
Золотые лучи окна.

Твой вопрос — не всегда прям,
Твой ответ — не всегда смел.
Кто научит в лицо дням
Посылать этот свист стрел;
И, прищулив глаза, ждать —
Не застелет ли смерть тех,
Кто в заезженных дней гладь
Опускал молодой смех?

Набежала мятель на очаг,
Кувырнулся с печи сон,
Но глухая сила плеча
Поломала рамы окон.
И ползет за тобой лед,
И кочует с тобой свет — —
Над стрелою — ветра полет
Над ветрами — путей нет!

Перегнула земля спину.
Я руками схватил луч
И опять — его — кинул
В загудевший прибой туч.

Побежал золотым переулком
За лучем — золотой день.
Разве мне, в тишине гулкой,
Пригибать пред собой тень?

Разве мне, — чтоб душа пела, —
В тишину опускать вздох,
Отдыхать на траве прелой,
И ладонью ласкать мох? —

Там, в степи, где колесным стуком
Пробегает сквозь жизнь гроза, —
Встать, — отдать вышине руки,
И лучам — подарить глаза!

Лучи — как дождь. Ложится грузно в глину
Медвежья поступь раненой души.
Приду в леса и медленно раздвину
Седые корни северной глуши.

В который раз садится солнце в воду!
В который раз играют пузыри!
Я по утру доверю путь свой броду
И за спиной оставлю пустыри.

Лучи — как дождь... Запутанные травы
Бегут в следы ликующей игрой,
И даже клен, склонившись над канавой,
Глядит в зарю обветренной корой.

Приду в леса... Холодный мох согрею
Той теплотой, что в сердце донесу...
Я оттого в степном пути болею,
Что слишком много радости в лесу!

Ползет судьба сосновой, голой веткой — —
Ползет в зарю... — Поют ветра в свирель.
Над тишиной — испуганной насадкой
Взметнула крылья вздыбленная ель.

Медвежья поступь, робкая от боли
(Ведь каждый год стрелой вбегал в бока!),
Ведет тропу по выжженному полю
К родным отлогам грузного песка.

Взроешь землю желтыми клыками,
Побежишь, ослепшая от дробы — —
Разве взор, играющий курками
Не согнет отчаянья на злобе?

Не пригнусь! За пылью набежавшей
Мне ль судьбу ослепшую не видеть?
Каждый день, за облако упавший,
Смотрит в ночь, оставленный обиде — —

Но ползет, ползет на ельник цепкий
Тень моя. В ночи — шаги упорней.
Ведь не мне двухстволкой бить по веткам,
Чтоб бежать, ломая бег о корни — —

Ведь не мне — под желтыми клыками —
Лечь в кусты забытой солнцем чащи
И смотреть, как мох ползет под камень,
Точно боль с груди моей хрипящей — —

Нет, судьба, клыками не придавишь!
Дробь в двухстволке просится на волю.
Я тебя, слепую, на облаве
Подчиню ценой недавней боли!

Ждут курки... Над ними — ельник колкий.
Лес гудит, встревоженный. И снова
Брызжет дробь. И верная двухстволка
Говорит решающее слово.

За стеклом — гвоздики из бумаги,
Лед на вате... Робко от окна
Отступает в снежные овраги,
Пригибая ельник, тишина.

Кто сказал, что теплые ладони
Могут снять отчаянье с чела?..
Ночь ползет. Но утро не нагонит
Темноты, что в комнату вошла! —

Бьют часы. В обоях — ветер дышет.
Теплота сползает под ладонь.
Но мятель, карабкаясь вдоль крыши,
Тщетно ищет в комнате огонь...

Такая любовь! И такая тяжесть!
Такую тяжесть несу на плечах!
Холодная осень на листья ляжет,
чтоб смерти коснуться концом луча.

Такая любовь! И такое незнание
кого целовать, когда хлещет дождь!
Глухим водоскатом мое признание
к себе направил далекий вождь.

И бродит, бродит волна за кровью;
и набегает на смерть простор.
И в каждом вздохе, и в каждом слове
ползет с лучами — вперед дозор. —

Руки — чтоб крепче сжимать винтовку,
Глаза — чтоб мушку в прицел опускать,
Дороги — чтоб ветер трепал обновку —
Мою гимнастерку в плену кушака.

Лихими словами начнут запевалы
Походные песни. Ночные пути —
Распластаны в утро. Следы — как шпалы,
По ним будут новые роты итти.

Но пусть несседеющий чуб командира, —
Пусть ветер в папахе и глаз вожака
Ведут по ухабинам взрытого мира
В пылающий день — авангард полка!

ОГЛАВЛЕНИЕ

На морозе дробил	5
Он придет	6
Лучи	8
От тяжелой сохи	9
Если в пальцах такая сила	10
Камни	11
Зубною болью время растянулось	12
Сыну	14
Память	16
Утро	17
По этим дням	18
Вошел в подвал	20
От дождя ушла	21
Этот мрак	22
Мои песни подымут	23
Но пенье птиц	24
От крыльца	25
Старый клен	26
Подкралось к весенней заре окно	27
Над дверьми разбитый колокольчик	28
Коли жить	29
От стены к стене	30
За лучами сады	32

Одеть любовь	33
Заезжий двор	34
На примерзшем ко льду патроне	35
Встал упрямо	36
Увел ночных дорог	37
Ты ль не знал	38
Первый взрыв	39
Не затрешь словами	40
Походная	42
Там, где хата	43
Этапы	44
Струилась в жилах	46
Ночь спешит	47
Над степью пыль	48
Перерытые черной оспою	50
Ждать, покуда осядет тьма	51
Твой вопрос	52
Перегнула земля спину	53
Отлоги	54
Вароешь землю	56
За стеклом	58
Такая любовь	59
Руки, чтоб крепче сжимать винтовку	60